

Упоров И.В. Судебное производство по уголовным делам: принципиальные новеллы реформационного законодательства второй половины XIX века // Академия педагогических идей «Новация». – 2019. – №1 (январь). – АРТ 52-эл. – 0,3 п. л. – URL: <http://akademnova.ru/page/875548>

РУБРИКА: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343

Упоров Иван Владимирович,

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

г. Краснодар, Российская Федерация

uporov@list.ru

**СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ:
ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ РЕФОРМАЦИОННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Аннотация: Рассматриваются наиболее важные изменения, которым подвергся российский уголовный процесс в рамках судебной реформы 1864 г. В этом контексте подробно анализируются соответствующие нормы Устава уголовного судопроизводства. В данной статье автор использовал некоторые свои суждения, которые были опубликованы ранее.

Ключевые слова: уголовный процесс, реформа, устав, судебное производство, закон, государство, следователь.

Uporov Ivan Vladimirovich,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnodar, Russian Federation
uporov@list.ru

**COURT PRODUCTION IN CRIMINAL CASE:
PRINCIPAL NOVELS OF THE REFORMATION
LEGISLATION OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Annotation: The most important changes that the Russian criminal process underwent during the judicial reform of 1864 are considered. In this context, the relevant norms of the Charter of Criminal Procedure are analyzed in detail. In this article, the author used some of his judgments that were published earlier.

Keywords: criminal procedure, reform, charter, judicial proceedings, law, state, investigator.

В истории России уголовный процесс по своему содержанию соответствовал абсолютистскому общественно-политическому строю, который установился в России к рубежу XVIII в. [1; 2; 3], а истоки правового регулирования этого процесса, как справедливо указывается, в литературе, следует отсчитывать от Соборного уложения 1649 г., которое стало «первым серьезным юридическим шагом в сфере укрепления государственных интересов, а соответственно, и становления абсолютизма в России» [4, с. 18]. Тогда же, в указанном акте, законодатель определил основные судопроизводственные принципы, которые отражали преимущественно состязательный процесс, то есть степень участия государственных

правоохранительных органов в организации и проведении судебных процессе была относительно невысокой, причем по достаточно простой причине – отсутствию системы органов юстиции. В дальнейшем «на протяжении 1650 - 1690-х годов произошел интенсивный рост бюрократизации государственного аппарата, который сопровождался углублением специализации его отдельных звеньев, в том числе по розыску преступников, и сформировались объективные предпосылки к учреждению особых органов и должностных лиц, специализирующихся на расследовании уголовных дел, что и было реализовано Петром I в начале XVIII в.» [5, с. 36].

Великий реформатор вводил изменения в судебные дела по вектору, сопряженному с абсолютизмом, а именно «в первую очередь прослеживается четкая тенденция к замене состязательного процесса розыскным: Петр I полностью отменил состязательную форму процесса именованным Указом от 21 февраля 1697 г. ... Указ не знал различия между процессом уголовным и гражданским, распространяя свое действие на тот и на другой, и не создавал никаких новых форм, используя существующие правила розыска и следствия» [6, с. 36]. В дальнейшем состязательные начала судебного процесса были расширены. Однако преемники Петра I пошли «по пути отмены его узаконений и усиления розыскных и инквизиционных начал в судопроизводстве, соответствующих тенденциям развития абсолютизма» [6, с. 36]. В первой половине XIX в. без усилий Екатерины II уголовный процесс получил развитие как громоздкая судебная система, в рамках которой производство дел по уголовным делам осуществлялось по так называемой теории формальных доказательств, не позволявшей суду непосредственно оценивать представляемые в процессе доказательства, поскольку решение

принималось на основе письменных доказательств, составляемых предварительным следствием [7]. Отсутствовал институт защитников подозреваемых и обвиняемых. Само следствие было предельно забюрократизировано. Оценивая деятельность полиции в этом направлении, Б.Л. Базоль отмечал, что полицейские зачастую стремились «не найти на трупе признаков насильственной смерти, примирить вора с обворованным ... Уголовные дела по несколько лет передаются от одного чиновника к другому, пока не заглохнут в каком-нибудь архиве или не погибнут при пожаре» [8, с. 79]. Довольно резко критиковал следствие и А.Ф. Кони: «Безотчетный произвол, легкомысленность лишения свободы, напрасное производство обысков, отсутствие ясного сознания о действительном преступлении, неумелость и нередко желание "покормиться", "выслужиться" или "отличиться" были характерными признаками производства следствий» [9, с. 323].

Разумеется, такое положение не могло удовлетворять российское общество, тем более после победы России над Наполеоном, восстания декабристов, общественно-политической дискуссии «славянофилов» и «западников», которые показывали, что России очень тесно было находиться в рамках абсолютизма, и публицистика А.И. Герцена, на наш взгляд, очень наглядно это показала, равно как, еще раньше, и попытки Александра I осуществить некоторые изменения либерального характера. Как бы ни было, но судебная реформа состоялась – в 1864 г. Как нам представляется, в наибольшей степени она затронула именно уголовный процесс, который стал регулироваться новым фундаментальным кодексом - Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. [1] (далее – Устав Уг.С), названный Т.Е. Новицкой «стержневым документом судебной реформы» [11, с. 48], который функционировал до 1917 гг.

Структурно Устав УС состоял из «Общих положений», а также трех книг: «Порядок производства в мировых судебных установлениях»; «Порядок производства в общих судебных местах»; «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства». Отменим наиболее важные изменения по сравнению с предшествовавшим положением, которые содержались в этих книгах. Прежде всего это касается отделение власти судебной от власти административной - согласно ст. 1 «никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава» [10]. К этой статье, однако, было сделано примечание, в котором указывалось следующее: «к судебному преследованию не относятся меры, принимаемые полицейскими и другими административными властями для предупреждения и пресечения преступлений и проступков в порядке, установленном законами» [10].

Такой подход (с примечанием) вызвал определенную критику правоведов, в частности, И.Я. Фойницкого, отмечавшего: «творцы судебной реформы не нашли возможным провозгласить правило, которым обыкновенно открываются западные уставы и по которому никто не может подлежать каким бы то ни было взысканиям иначе, как по суду. Смысл ст. 1 Устава уголовного судопроизводства иной: она не гарантирует личность от притеснений могущих иметь место в несудебном порядке, обнимая лишь случаи судебного преследования и подчиняя только судебный порядок правилам, постановленным в этом кодексе. Параллельно с судебным преследованием допускается ею и несудебное разбирательство, в своем порядке и органах, совершенно иным правилам подчиненное. При этом разрешающие его законодательные источники не сведены к общим

руководящим началам, не согласованы с судебной реформой и не обладают определительностью, почему объем его весьма широк» [12, с. 14].

Однако, на наш взгляд, из ст. 1 Устава Уг.С отнюдь не следует, что покушающиеся на интересы государства должны были непременно привлекаться к ответственности только по нормам этого акта – здесь, скорее всего, власть оставила себе правовой маневр для уголовно-правовых репрессий в отношении политических оппонентов; нужно учесть также, что власть, формально еще оставаясь абсолютистской, была просто неспособна решительным образом внедрять в России образцы европейского уголовного процесса – в этом смысле ожидания многих правоведов были явно завышенными. Равным образом это относится и к ст. 14 Устава Уг.С: «Никто не может быть наказан за преступление или проступок, подлежащие судебному ведомству, иначе, как по приговору надлежащего суда, вошедшему в законную силу» [10]. Здесь, как видно, речь идет только о делах, относящихся к судебному ведомству, а если дело относилось к иному ведомству, например, полицейскому, то данный принцип уже не действовал, то есть, презумпция невиновности не имела всеобщего характера и не попала в окончательный текст Устава Уг.С. Вероятно, власть все же опасалась, что столь демократическая норма будет помехой для устранения политических противников. Кроме того, мы полагаем, что даже если бы эта статья оказалась в данном акте, она противоречила бы многим нормам других законов, где закреплялись сословный строй и социальное неравенство, то есть самодержавие и презумпция невиновности в полном виде, по западному образцу, были несовместимы.

Следующая позиция заключалась в отделении власти обвинительной от власти судебной. Соответствующее положение было закреплено в ст. 2-5, 14 Устава Уг.С. Суть его в том, что власть обвинительная, то есть

обнаружение преступлений, преследование виновных и их обличение перед судом необходимо отделить от власти судебной, от рассмотрения уголовных дел и постановления приговоров. Власть «обвинительная» должна была принадлежать, главным образом, прокурорам, а так же частным лицам, полицейским административным властям по «делам, подведомственным мировым судебным установлениям» (ст. 3 Устава Уг.С), и исключительно частным лицам по делам, возбуждаемым только «вследствие жалобы потерпевшего от преступления лица», которые «дозволяется прекращать примирением» (ст. 5), иначе говоря, по делам частного обвинения. Реализуя в законе концепцию «обвинительной власти», авторы законодатель сразу же проводил разграничение дел публичного, частно-публичного и частного обвинения, известное еще «дореформенному» судопроизводству. Что касается судебной власти, то она принадлежала мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату, то есть, попросту говоря, судам – согласно ст. 1 Учреждения судебных установлений [13]. Важно заметить, что обвинительная власть (в лице прокурора) была отделена от судебной власти только при рассмотрении дела в суде, то есть, в завершающей стадии уголовного судопроизводства, а не во время следствия. Но одновременно такая позиция породила весьма неопределенный статус судебного следователя, то есть объем следственной власти оказался размытым, а сам следователь, будучи по штату в «судебном месте», оказался неким средним звеном между обвинительной и судебной властью.

При этом судебный следователь и суд обязаны были принять все меры, необходимые для установления истины, то есть речь шла о доктрине «материальной истины», как об этом тогда говорили ученые и специалисты

по уголовному процессу. На стадии разработки проектов судебной реформы по этому поводу указывалась следующая мысль: «задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины. В стремлении к этой цели суд уголовный не может принимать в уважение желания сторон - ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невинность, ни того, что сам обвинитель потворствует виновному» [14, с. 244]. В этом контексте суду предоставлялось право собирать доказательства по собственной инициативе, а судебный следователь (ст. 265) при производстве следствия обязан был «с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие» [10]. Этот принцип действует до сих пор. Однако в правоприменительной практике преобладал, как правило, обвинительный уклон (и преобладает до сих пор).

Что касается принципа состязательности, то он не стал в результате судебной реформы общепроцессуальным принципом уголовного судопроизводства. Более того, в намерения законодателя вовсе не входил полный отказ от розыскных (инквизиционных) элементов уголовного судопроизводства [10, с. 67]. Требовалось лишь, чтобы они были разумны и не чрезмерны. Этим объяснялось стремление «сохранить в уголовном судопроизводстве следственное начало, на основании которого уголовный процесс должен иметь целью обнаружение истины независимо от воли и желания частных лиц» [14, с. 27]. В Уставе Уг.С этот вопрос в ст. 630 определялся следующим образом: «Прокурор или частный обвинитель, с одной стороны, а подсудимый или его защитник - с другой, пользуются в судебном состязании одинаковыми правами» [10]. К числу важных принципов уголовного процесса следует отнести известную триаду: гласность, устность и непосредственность. Так, судебные заседания в

стадии судебного рассмотрения стали проходить публично, а судебное следствие проводиться «изустно» (ст. 625 Устава Уг.С). По тем временам само провозглашение этих принципов для громоздкого бюрократического суда России было значительным продвижением вперед. Данные правила касались как мировых судебных установлений, так и общих судебных мест, но наиболее ярко они, конечно, проявились в суде присяжных – одном из самых заметных нововведений судебной реформы 1864 г.

Список использованной литературы:

1. Мусатов Ф.В. Конструкции государства в истории юриспруденции // Российский юридический журнал. 2015. N 3. С. 42 - 55.
2. Селихов Н.В. Организация верховной власти в России: вопросы теории и практики // Российский юридический журнал. 2018. N 2. С. 19 - 31.
3. Конституционное право Российской Федерации / Отв. ред. С.И. Носов. М.: Статут, 2014.
4. Рогов С.Л. Проблемы уголовной политики в период становления абсолютизма в России // История государства и права. 2008. N 2.
5. Федоров А.В. Истоки российского следствия // Юридический мир. 2016. N 12. С. 34 - 39.
6. Загидуллин М.Р. Зарождение юридической ответственности в российском судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2016. N 5. С. 164 - 176.
7. Пронякин А.Д. Установление истины - цель доказывания в уголовном процессе // Российская юстиция. 2018. N 2. С. 24 - 26.
8. Бразоль Б.Л. Следственная часть // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Пг., 1914. Т. 2. С. 79.
9. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Кони А.Ф. Собрание сочинений. М., 1967. Т. 4. С. 323.
10. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / Отв. ред. Б.В. Васильев. М.: Юрид.лит-ра. 1991. С. 118-252.

11. Новицкая Т. Е. Реформы Александра II // Вестник московского университета. Серия «Право». 1998. № 6. С. 44-51.
12. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1912.
13. Учреждение судебных установлений от 20. 11. 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. III. С. 13-252.
14. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч.II. СПб., 1867.

Дата поступления в редакцию: 20.01.2019 г.
Опубликовано: 26.01.2019 г.

© Академия педагогических идей «Новация», электронный журнал, 2019
© Упоров И.В., 2019